

А·С·СЕРАФИМОВИЧ

ТРИ ДРУГА

Л

Александр Серафимович
Серафимович

Три друга[с иллюстрациями]

Александр Серафимович Три друга

Утреннее не жаркое еще солнце чуть поднялось над соседской хатой и сквозь вербы задробилось золотыми лучами, а семилетний Ванятка уже слез со скамейки, где ему стлала всегда matka, и выбрался из душевой хаты.

Мать, худая и костлявая, с головой, повязанной ушастым платком, кидала на дворе зерно и кричала:

— Кеть, кеть, кеть, кеть!..

К ней со всех сторон бежали куры, индюшки, неуклюже раскачиваясь, спешили утки, гуси. Свины, приподняв уши и похрюкивая, тоже торопились, разгоняя птицу, а мать на них кричала:

— Та це![1]

Ванятка ухватил хворостину и, радостно визжа, стал гонять хрюкавших и подвизгивавших свиней.

— Гони их на улицу! — закричала мать.

Ванятка, забегая то спереди, то сзади, стегал хворостиной кидавшихся во все стороны свиней. Свины не выдержали и побежали в

раскрытые скрипучие жердевые[2] ворота. Только лишь старый кабан с нависшими из рта желтыми клыками угрожающе остановился, повернувшись мордой к Ванятке, как будто говорил:

— Ну, ну, подойди, подойди!..

Ванятка знал, что кабан не одну собаку заporол клыками. А отец рассказывал, что в лугу распорол брюхо лошади, наступившей на поросенка. Лошадь оттащили в озеро, а когда она там расползлась, ее растащили рыбы и раки.

Ванятка подбежал к кабану, который был выше его, и, чуя его горячее и вонючее дыхание, вытянул между маленьких злых кабаньих глаз хворостиной. Кабан повернулся и грозно побежал на улицу, а мать закричала:

— Не трожь, пострел! Он тебе таки выпустит кишки... — и дала подзатыльник.

А когда Ванятка заревел на весь двор, утерла ему нос и сказала:

— Не плачь, сынок, иди в конюшню, помогай отцу — запрягает на степь ехать.

Ванятка побежал к конюшне. Отец, подставив под телегу дугу, мазал дегтем и крутил

ходко вертевшееся на приподнятой оси колесо.

Ванятка постоял, глядя хитрыми серыми глазами. Он был белобрыс, брови его выцвели от солнца и степного ветра, а нос облупился. Очень хотелось самому подмазывать телегу, макать черный помазок в ведро с дегтем, крутить ходко вертевшееся на поднятой оси колесо, но отец все равно не позволит, а даст подзатыльник.

Ванятке хотелось все делать, что делают взрослые, а силенки не хватало. Вот и теперь — постоял-постоял, поглядел на скособочившуюся телегу, на широкую спину наклонившегося отца и юркнул[3] в конюшню.

В конюшне под соломенной крышей летали ласточки, а в углу, свесив губу, стоял, покачиваясь от дремоты, Пегаш. Без уздечки, без шлеи и хомута он казался голым.

Хомут висел на деревянном гвозде, вбитом в стену. Ванятка поднялся на цыпочки, достал руками хомут, а снять не может — тяжел. Ухватился за шлею и стал изо всех сил тянуть в сторону. Хомут грузно упал на навоз. Ванятка, напрягаясь, подтащил его к коленям ло-

шади и, весь красный от натуги, приподнял и стал надевать на морду Пегашу.

Пегаш, подрагивая добрыми мягкими губами, нагнул голову, вытянул шею, помогая надевать на себя хомут, но Ванятка никак не мог справиться, запутавшись в шлее. Наконец кое-как насунул хомут на нос, но через глаза не мог продвинуть. Пегашу надоело, и он высоко вскинул голову. Хомут сам собою ссунулся на шею, а Ванятка отчаянно завизжал: его зацепило шлеей, и он повис под лошадиной шеей. Пегашка смиренно стоял, пожевывая губами.

Мужик вошел на визг, высвободил болтавшегося в воздухе Ванятку — лицо у него было расцарапано, — поставил наземь и дал такого шлепка, что тот вылетел из конюшни и с ревом побежал к матери, да не добежал: из открытого база[4] выскочили беломордые телята и, задрвав хвосты, стали носиться по двору подбрыкивая. Ванятка схватил хворостину и погнал их на улицу, а с улицы, обогнув сад, на гору.

На горе потянулась степь, сколько глаз хватает, и на самом краю стояли курганы —

три кургана[5], как три брата. За курганами отец будет косить сено.

Телята спустились в балочку[6] и, помахивая хвостиками, стали щипать траву, а Ванятка обернулся в другую сторону и, приложив руку козырьком, стал глядеть. Под горой, за хутором, протянулся луг, по лугу извилисто блестела речка, темнели вербы, а дальше, теряясь обоими концами, как желтая ниточка, тянулась линия железной дороги. Телеграфные столбы стояли тоненькими палочками, и тихонько ползла длинная сороконожка — поезд; чуть белел передвигавшийся дымок.

Потом Ванятка стал смотреть в ту сторону, где в сухом тумане пропадали рельсы, — там был город. Города не было видно, а тоненько-тоненько блестела звездочка: говорили — собор[7].

Долго смотрел в смутный, сизый сухой туман, одевавший край земли, — очень хотелось глянуть хоть одним глазком, какой такой город, какие там хаты, плетни, куры, собаки, и так ли скрипят неподмазанные телеги, как у них по улицам.

Да забыл про город, упал на четвереньки и

стал разыскивать заячью капусту. Заячья капуста топорщилась в траве мясистыми листьями. Сорвал и долго со вкусом жевал, выплевывая жевки. Потом поискал и поел щавелью. Потом сунул в муравьиное гнездо палочку и облизал с нее муравьиный сок.

В небе плавал коршун.

Ванятка огляделся. Солнце поднялось. Становилось жарко, и от зноя степь стала трепетать тонким трепетанием.

Ванятка побежал с горы, мотая руками, как крыльями, — есть захотелось.

II

Над двором стоял зной; над навозом гулко тучами зудели серые мухи, а ласточки с чиликаньем низко и мгновенно проносились.

У печурки, сложенной во дворе, возилась мать с хлебами, к утру надо везти на покос, и сказала:

— Кабы дождя не было, касаточки разыгрались.

Обедали в хате только Ванятка, двухлетняя сестренка да мать, а старшие брат и сестра и

отец были на сенокосе.

— Мамка, — сказал Ванятка, отпуская пояс на раздувшемся животе, — я к батюшке пойду на покос. Чего я тут не видал!

— Я те пойду!.. Я те так пойду, своих не узнаешь.

— Чего я тут не видал... — плаксиво тянул Ванятка.

— Цыц! Бери Нюрку да ступай на двор. Да гляди мне за ней, а то надысь нос расквасила. Ступай!

Ванятка подхватил сестренку под животик и поволок из хаты.

Во дворе все то же: зной, зудящие мухи и белогрудые ласточки, мелькая, чиликают.

Мать, убравшись с посудой, пошла месить навоз, тяжело вытаскивая из него босые, сразу ставшие грязными ноги. Потом навоз станут резать кирпичами, потом их высушат и будут зимой топить печи.

Ванятка выбрался с Нюркой на улицу: сели с ней посредине в горячую мягкую пыль и стали играть. Пришла старая свинья, постояла около них, подумала и пошла кушать копечки[8], которые густо росли вдоль дороги.

Ванятка вскочил, погнался было за свиньей, потом сказал, делая страшное лицо и выпучив глаза:

— Нюрка, беги скорее к матке, а то свинья съест!

Девочка жалобно заплакала, закрыв ладошкой глазки, и, ковыляя, направилась к воротам, а Ванятка что есть духу пустился по дороге, обжигая босые ноги о горячую пыль, обогнул сад и, задыхаясь, вбежал на гору.

Внизу за хатами открылся луг, блестящая в зное река, ниточка железной дороги, но Ванятка ничего этого не видел, а пустился бежать к трем курганам, которые стояли, как три брата.

Жесткая мелкая трава царапала босые ноги, солнце жгло. Иногда Ванятка с размаху садился на землю, хватал обеими руками ногу, выворачивал подошву, подтаскивая ее к самому лицу, слюнями оттирал налипшую пыль и грязь, и, схватив черными ногтями воткнувшуюся колючку, выдергивал и опять пускался бежать.

Добежит до покосу, — трава там не такая, как тут: высокая, густая, отец ездит на громко

звонящей, грохочущей косилке, управляя ножами, брат Алеша гоняет потных лошадей, сестра Варька на кизяках[9] варит кашу. Подойдет Ванятка, скажет: «Пусти, Алешка!» И станет сам гонять лошадей, косилка пойдет еще лучше, и отец скажет: «Ай да Ванька, молодца!»

И вдруг вспомнил плачущую Нюрку и что его бить будут, когда вернется. Заныло сердце, приостановился, посмотрел: луг уже скрылся за далеким краем обрыва, спряталась и речка, не видно железнодорожной линии, лишь сизоватый сухой туман лежит на краю, и в нем чуть приметно звездочка сияет. А впереди степь, и три кургана, три брата, на самом краю стоят.

Опять побежал. Спустился в балочку, стал подыматься, да остановился: впереди какая-то большая рыжая птица бросилась на землю, потом взмыла[10], опять упала, снова сильными взмахами поднялась и снова рыжим комом упала, и что-то на траве под ней трепыхалось, что-то желтое и живое.

Ванятка что есть духу побежал и увидал — под коршуном отбивается и кричит, как ребен-

нок, тоненько и жалобно, зайчишка. Подымается коршун, зайчишка прыгнет раза два-три, а тот упадет на него и начнет терзать когтями и клювом; зайчишка заверещит, опять прыгнет, и опять насядет коршун.

Ванятка пронзительно закричал и бросился к зайцу, испуганно махая руками.

Коршун недовольно поднялся, раскинул большие крылья; виднелся кривой нос, который он отворачивал то в ту, то в другую сторону, да лапы, желтоватые, мохнатые, которые он так и не подобрал.

Коршун улетел.

Зайчишка весь съежился комочком и сидел неподвижно, покорно заложив уши за спину и глядя большим, выпуклым, круглым глазом, — другой был выклеван. Шерстка на нем мягкая, как пух, — зайчишка был совсем молоденький, молочный, — и голова в крови.

Ванятка взял его на руки. Он не сопротивлялся, а подвигал лапками и улегся комочком, как в гнезде.

Ванятка, осторожно держа, понес его назад.

— Ах ты, сердяга! Лапушка моя, бедненький... Ишь, проклятый, как он тебя!

Долго шел, пока не открылся луг, речка заблестела; по линии полз поезд, белел дымком; и звездочка собора стала яснее блеснуть.

— Мамунька! Мамунька!.. — не своим голосом заорал Ванятка, вскакивая во двор, весь дрожа, с пылающим лицом. — Гли, кого я поймал.

Он забыл, что его будут драть, а мать, перестав на минуту ногами месить навоз, закричала:

— Ты иде это шалаешься! Кому я велела Нюрку смотреть? Постой, я тебе побегаю...

Но, увидав окровавленного зайца на руках, сказала:

— Это еще чего такое?.. Вот кабы увидали тебя на улице собаки, разодрали бы совсем и с зайцем.

А Ванятка весь дрожит, прижимая зайца.

— Мамуня! Мамуня! Мамуня!.. Я его под лавку, я его под лавку... — и понес в хату.

Мать закричала:

— Куда ты эту погань?.. Вот я тебя совсем с ним на улицу выгоню.

Тогда Ванятка побежал к амбару, чтобы там устроить своего больного, но, когда подбежал к дверям, заяц вдруг развернулся, как пружина, толкнул в грудь, прыгнул на землю и, не успев моргнуть Ванятка, исчез под амбаром в узкую дыру, проделанную крысами.

Ванятка упал животом на землю и, прижимаясь лицом к мелкой сухой соломе и горячей пыли, долго глядел в дыру, но там было черно и пусто.

— Ванятка!.. — закричала мать, бросила месить и, слегка обтерев, ногу об ногу, навоз, подошла и оттаскала за вихры.

А ночью случилась гроза, — недаром так припекало днем и низко летали касаточки. Ванятка спал под образами[11] на лавке. Спал он всегда крепко и ничего никогда не слышал, а сегодня чудилось, бегают будто по степи, а за ним гоняется коршун, и будто нос у коршуна кривой, а глаз один вывернутый, красный. И вдруг сквозь веки почувал — кто-то заглянул, ярко-синий, режущий. И опять заглянул, да так нестерпимо, что Ванятка открыл глаза.

Сквозь щели ставней лился ослепительно синеватый, почти белый свет, несколько секунд лился дрожа, потом погас, и стало непроглядно черно, глухо. Ванятка зажмурился, а сквозь веки опять на секунду заглянул ослепительный свет и погас.

Ванятка вскочил, ничего не видя. Стало невыносимо страшно — не оттого, что вспыхивал этот ослепительный, даже сквозь веки, свет, а оттого, что вспыхивал он молча. Когда погас, в темноте стояло глухое молчание, и Ванятка закричал:

— Мамуня♦а!

Мать спала на кровати с маленькой сестренкой. Ванятка сполз на пол и, натыкаясь на стол, на скамейки, стал пробираться к кровати. Пошарил — пусто. Опять сквозь щели полился свет, и Ванятка увидал: матери нет, а Нюрка, прильнув к подушке, тихонько подсвистывала носом.

Снова все стало черно, глухо. Ванятка кинулся к выходу, нащупал дверь и, когда отворил, все увидел, яркое и отчетливое: пустой двор, корыто посередине, плетни и белый как кипень, не трепещущий тополь.

— Мамка♦а!.. — закричал он в темноте и побежал к базам: должно быть, мать пошла подпереть двери, чтобы скотина не разбежалась.

Но, когда все кругом снова замерцало в ослепительном свете, он увидал, что возле — не базы, а плетень в соседний сад. Сейчас же все потухло, и Ванятка, протянув руки, побежал к базам, а когда осветило, увидал, что лазают у конюшни.

Заворчал гром. Упали тяжелые капли. Плача, натыкаясь то на плетень, то на кучу соло-

мы или навоза, метался Ванятка, зовя мать.

Густо посыпал дождь. Гром раскатывался, заполняя все; сквозь мелькавшую мутно-белесую сетку дождя ничего не было видно.

Отдавшись отчаянию, весь мокрый, Ванятка, как стоял, сел на корточки, не зная, где он, и горько всхлипывал, глотая слезы вместе с сбегавшим по лицу дождем.

А гром то оглушал потрясающим треском, то ровно, как множество колес, раскатывался во всех направлениях, то, глухо ворча, смолкал. Тогда, слышно было, шумел дождь, и с томительными промежутками вспыхивал синевато-беспредельный свет, трепетно отражаясь в бегущих всюду ручьях.

— Мамулька♦а!.. Мамка♦а!.. Ы-ы-ы...

И вдруг прислушался: возле, у самых ног, кто-то бесконечно жалобно и беспомощно вякал[12]. Ванятка протянул руку и нащупал мокрого, грязного, слабо ворочавшегося щенка. Верно, кто-нибудь выбросил, щенок прибился к воротам.

Сразу прошел страх, ощущение заброшенности, одиночества. Ванятка поднял щенка, прижал, чувствуя, как он теплеет, тыкается

мордочкой в грудь, и пошел, сразу разбирая, что он сидел под плетнем у ворот.

Молния широко осветила растворенную дверь в хату.

В комнате, освещаемая побледневшей и поредевшей молнией, мать беспокойно шарила по лавке:

— Где ты делся?.. Ванятка!

Ванятка осторожно пробирался к своей лавке, и вода бежала с него, оставляя лужи. Очень хотелось ему рассказать матери о своей находке, да побоялся и, прижав пригревшегося щенка, крепко и сладко заснул.

Заснул, и приснилось ему, будто опять налетает коршун, клюет и больно бьет его крыльями.

Вскочил испуганно, а это мать больно шлепает его рукой, и уже день на дворе.

— Это что за моду взял? Не таскайся, не таскайся!.. Все запакостил. Вот тебе! Вот тебе!

Потом схватила жалобно завизжавшего щенка и понесла во двор и за воротами выкинула в лопухи.

Ванятка бежал за ней плача. А когда ушла, подобрал щенка, принес к амбару и устроил

ему из соломы гнездо в старой кошёлке.

Так завелось у Ванятки свое хозяйство.

Заяц долго сидел под амбаром, да голод не тетка, и в конце концов высунулся из дыры, выставив мордочку, торопливо обнюхивая подвижными ноздрями воздух. Больной глаз заструпился, втянуло его, стал подживать. Здоровый, большой, круглый и любопытный, глядел осторожно.

Ванятка клал около дыры под амбаром кусочки хлеба, молодых капустных листьев, приносил молоко в горшочке, из степи — заячьей капусты, и заяц все подбирал. Стал есть из рук и день ото дня ручнел.

Вот только собаки одолевали. Как только придет под праздник отец с поля, собаки придут за телегой и, как звери, кидаются к амбару, а заяц юркнет в дыру и уже не показывается. Собаки визжат, роют лапами, да не достать.

Да и отец был недоволен и раза два больно оттрепал за волосы Ванятку, чтоб делом занимался, а не баловался с зайцем.

Дела же у Ванятки всегда было много, как и у всех во дворе. Когда лошади были дома,

гонял лошадей и быков на водопой, выгонял телят на гору, возил отцу на ближайший покос хлеба, пшена, глядел за Ньюркой. Зато в каждую свободную минуту бежал к амбару и проводил время с друзьями.

Щенок и заяц подросли и выровнялись, привыкли друг к другу и презабавно играли. Щенок облапит зайца, поймает за шиворот и начинает немилосердно таскать. Заяц встанет на задние лапы да так забарабанит передними по морде, что щенок повалится на спину и начнет отбиваться, сердито повизгивая. А Ванятка покатывается со смеху.

Только взрослые досаждали Ванятке: гонялись за зайцем, травили собаками. Но заяц перестал бояться собак: погонятся за ним — он под амбар, а если посреди двора окружают — вскочит на телегу или в сени забьется. А раз вскочил в большую кадку с резаной соломой; собаки прыгают кругом, а достать не могут; увидал Ванятка, выручил.

Щенок и заяц спали вместе в кошелке, свернувшись клубочком. А утром рано, чуть зорька низко закраснеется за дальними вербами, щенок и заяц являются к окну, за кото-

рым спит Ванятка, станут на задние лапы и заглядывают. Щенок повизгивает, а заяц забарабанит по стеклу, да так, что, того и гляди, стекло вылетит.

Увидит мать и прогонит хворостиной, а не увидит — Ванятка откроет окошко и даст каждому по корочке хлебца, припасенной с вечера.

IV

Однажды случилось событие, которое не только помирило всех с зайцем и щенком, но и доставило обоим почетное положение.

Лето перевалило за ильин день[13]. Пшеницу сняли, и все стали готовить катки и молотилки. Отец Ванятки тоже целый день налаживал каменные катки, чтоб утром, на заре, отвезти их на поле и начать молотьбу.

Ночь была черная, ветреная, суховой трепал в темноте вербы и тополя, кружил по темному двору соломинки и сухие камышинки. Все крепко спали. Собаки полаяли с вечера и тоже дремали, свернувшись под телегой. Заяц со щенком забился под амбар.

С улицы, осторожно скрипнув жердевыми

воротами, вошли три человека; у одного был лом. Собаки с ревом вырвались из-под телеги. Им бросили несколько кусков сала с отравой. Они похватали, сейчас же стали кататься в судорогах и неподвижно вытянулись.

Три человека стали ломать замок у конюшни. Из-под амбара выскочил щенок и, вертясь около ног, стал тявкать. Тот, что держал лом, ударил им щенка, но в темноте задел лишь слегка. Щенок отчаянно завизжал и понесся, поджав одну ногу, к Ваняткиному окну; заяц испуганно помчался за ним. Под окном щенок, надрываясь, визжал, метался, а заяц стал на задние лапы и забарабанил в стекло.

Услыхал Ваняткин отец, схватил ружье, вышел на двор, покликал собак, — никто не отзывался. Это показалось подозрительным, и он выстрелил в воздух. Потом позвал старшего сына, вместе осмотрели двор, нашлидохлых собак, а на дверях конюшни погнутую дужку замка. Воров и след простыл, — не успели сломать замка.

С этих пор и щенок и заяц стали полноправными гражданами во дворе. Мать Ванят-

кина стала обоих кормить.

— Ничего, пущай растет, — говорил Ваняткин отец, трепля радостно лизавшего руки щенка. — Пущай растет, сторожем будет. Ишь, рот черный, — злой будет.

И дали клички: щенку — Забияка, зайцу — Одноглазый. Они привыкли и прибегали на клички.

К осени Забияка выровнялся в хорошую собаку, облохматился, а кругом морды и около глаз выросли косматые, торчком стоящие усы и баки, что придавало ему свирепый вид. А Одноглазый стал белеть.

Ванятка не расставался с ними. Куда бы ни шел, впереди трусил[14] лохматый дымчатый Забияка с косматой свирепой мордой, а сзади Одноглазый сделает два-три скачка, станет столбиком и поводит ушами, а там опять прыгнет и опять постоит и послушает. Если выскочат собаки, Одноглазый перемахнет через плетень и исчезнет в саду, а там его лови не лови — не поймашь. Ванятка пройдет дальше, оглянется, а Одноглазый опять тут, прыгнет-прыгнет, станет и пошевелит ушами.

Зато и Ванятка любил их. Бывало, сядет на землю, обнимет с одной стороны Одноглазого, с другой — Забияку, сидит и рассказывает им, как людям, по целым часам. А они понимают: Одноглазый пошевеливает ушами, а Забияка нет-нет да и лизнет Ванятку в лицо, за что получает легонький тумак. И всяким сладким куском делился с ними Ванятка.

V

Пришел сентябрь. Все Ваняткины товарищи ходили в школу. Скучно стало Ванятке, и говорит он как-то отцу:

— Батя, слышь, отдай в училище. Ну, чего я тут... Слышь, отдай!

Отец почесал поясницу, поглядел на серое небо, по которому скучно летели вороны, и сказал:

— Постой, сынок, рано тебе. Пуцай эта зима пройдет, а на тот год отдам.

— Отдай-ай, батя... Отдай-ай!.. — упрямо хныкал Ванятка.

— Цыц! Сказываю — на будущий год. Ванятка замолчал, но задумал свое.

Пошли дожди. Деревья трепались в холод-

ном ветре, который обрывал последние крутившиеся листья и заливал окна сбегаящими ручьями. По лужам, покрывшим черные от грязи улицы, вскакивали и лопались дождевые пузыри. Стало неуютно, безлюдно, скучно. Одноглазый и Забияка целыми часами спали под амбаром.

Ванятка улучил[15] минуту, достал с полатей старые отцовские сапоги и вставил туда ноги. На спину и на голову углом накиннул от дождя мешок и отправился.

До училища было три версты. Грязь стояла непролазная. Колеса вязли по ступицу, лошади едва вытаскивали ноги.

Ванятка на улице сейчас же утонул сапогами, и когда вытащил ноги, они вылезли из сапог. Тогда он ухватился за голенище, вытянул сапог и переставил одну ногу, потом ухватился за голенище другого сапога, переставил — так и стал передвигаться, переставляя ноги.

В пот ударило Ванятку. Он разогнулся и глянул назад: уныло опустив голову и хвост и вытаскивая грязные лапы, плелся Забияка, а за ним то присядет, то прыгнет Одноглазый, по самые уши в грязи.

Ванятка замахнулся:

— Уйдите вы! Вам нельзя... Пошли, пошли!

Забияка покорно завилял хвостом, с которого текла грязь, а Одноглазый недоумевающе поводил ушами.

Ванятка стал швырять в них грязью, а они не понимали, за что это.

— Пошли! — кричал Ванятка, отогнал и опять побрел, утопая в грязи.

Косой дождь все так же сек лицо и заливался за шею и в рукава. Идти было мучительно тяжело. Только когда выбрался на пологорье и пошел косогором по каменистому хрящу, стало суше. Вдали из-за сада показалось белое здание школы. Ванятка, подходя к училищу, оглянулся: Забияка, нагнув голову, хитро крался, а Одноглазый стоял столбиком, пошевеливая ушами.

Ванятка опять с отчаянием стал швырять в них камнями, комьями грязи, со слезами озлобления крича. Забияка, поджав хвост, мокрый и жалкий, побежал под дождем домой, а за ним, то задерживаясь, то скачками, пошел Одноглазый. Выскочила откуда-то, тьявка, собачонка, и заяц умчался.

Ваня обтер в сенях свои чудовищные сапоги и вошел в школу. Там стоял невероятный содом, гам, шум — была перемена.

Ребятишки накинулись на Ванятку:

— А♦а, зайчиный отец!

— Ванька, здорово!

Ванятка стоял среди них, не зная, что делать. Когда пробил звонок, все повалили в класс. Ваня, волоча по полу сапогами, которых он не мог поднять, вошел вслед за другими и примостился на краешке парты.

Вошел учитель. Все закричали:

— Новичок! Новичок!

Учитель подошел к Ванятке:

— Ты чей?

Ванятка стоял, упорно глядя на пол.

— Ну, что же ты не говоришь? Чей же ты?

— Мамкин, — угрюмо сказал Ванятка, все глядя на пол.

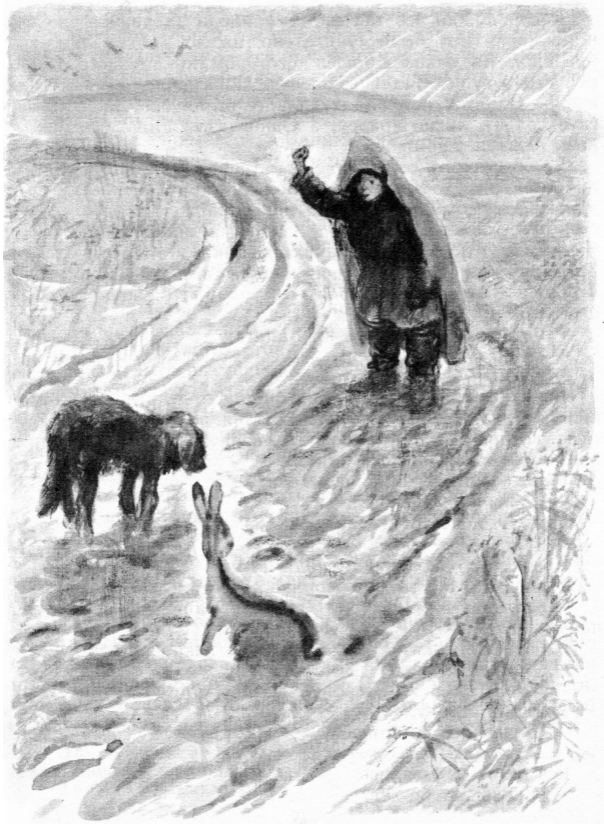
Ребятишки покатались от хохота и закричали:

— Заячий хозяин!

— Он Щербаков! Щербака рыжего сын.

Учитель улыбнулся.

— Зачем же ты пришел?

— Букварь...

Все опять засмеялись.

— Сколько тебе лет?

— Об рождестве[16] девятый пойдет.

— Видишь, хлопец, ты еще мал, приходи на тот год.

— Я реветь буду, — все так же хмуро заявил Ванятка.

Учитель опять улыбнулся и ласково погладил по голове.

— Ну хорошо, оставайся пока, слушай, о чем тут говорят. Я сам поговорю с отцом.

Класс стал заниматься, а Ванятка, напрягая и морща лоб, слушал, ничего не понимая.

Урок подходил к концу. Вдруг все головы повернули к окну, и учитель остановился на полуслове: в омытом дождем стекле виднелись две морды, внимательно глядевшие в комнату, — одна косматая, другая с длинными ушами.

Ребятишки захохотали.

— Это что такое? — спросил учитель.

— Это Ванькин кобель да заяц.

— Одноглазый.

— На задних ногах стоят.

— Они у него выучены.

Учитель строго сказал:

— Это не годится. Нельзя так.

Ванятка горько разрыдался:

— Я их убью. Я их прогонял, они не слушают. Я их собаками зацую[17]...

Учитель, успокаивая, опять ласково погладил по голове:

— Ну ничего, ничего, успокойся. Только не бери их с собой в другой раз.

Потом позвал сторожа и что-то сказал ему. Сторож, стуча в сенях сапогами, хлопнул наружной дверью, и в стекле разом исчезли и косматая и ушастая морды.

Когда Ванятка ворочался, на косогоре его ждали и Забияка и Одноглазый, невыразимо грязные. Забияка, радостно визжа, прыгал и лизал в лицо, а Одноглазый становился столбиком и барабанил по коленям. Ванятка ласкал обоих и, радостный и счастливый, держась руками за голенища, чтоб не вылезли ноги, добрался домой.

Пришел март. Снега быстро таяли, шумели Повраги, птицы летели с юга, и солнце безоблачно сияло.

Ванятка каждый день ходил в школу, но ни Забияка, ни Одноглазый его уже не провожали.

С зайцем стало делаться что-то странное. Стал он беспокоен, пуглив, поминутно навастривал уши, не давался в руки. И однажды исчез.

Долго ходил и искал его Ванятка — нигде не было.

Только когда однажды выбрался на гору, на талом снегу увидел обтаявшие заячьи следы: большими скачками, видно, уходил в степь и уже больше не ворочался.

Только раз летом на покосе видел Ванятка, как по скошенному месту прокатился крупный заяц, остановился на секунду, присел, повел ушами и исчез, мелькнув в траве. Своя, видно, началась жизнь.

А у Ванятки и Забияки тоже у каждого своя была жизнь: Забияка зло сторожил двор, ло-

шадей, скотину, днем и ночью не подпускал к дому никого. Стал он еще косматее, с мотающимися комками грязи на лохмах.

Ванятка летом не покладая рук работал на дворе, в поле, ездил на мельницу, возил на станцию хлеб, а зимой в отцовских валенках бегал в школу.

Примечания

1

Та це — по-українски: прочь.

[^^^]

2

Жердевые ворота — сделанные из жердей;
жердь — срубленное и очищенное от веток
высокое и тонкое дерево.

[^^^]

3

Юркнул (юркнуть) — быстро убежал, скрылся.

[^^^]

Баз — скотный двор.

[^^^]

5

Курганы (курган) — холмы, небольшие горки.

[^^^]

6

Балочка (балка) — неглубокий овраг.

[^^^]

Собор — главная или большая церковь в городе.

[^^^]

8

Копеечки — сорное растение.

[^^^]

На кизяках; кизяк — топливо, приготовленное из навоза.

[^^^]

Взмыла (взмыть) — взлетела быстро и высоко.

[^^^]

Под образами (образа) — под иконами.

[^^^]

12

Вякал (вякать) — повизгивал тихо и жалобно.

[^^^]

Ильин день — 20 июля.

[^^^]

Трусил (трусить) — бежал не очень быстро.

[^^^]

Улучил (улучить) — нашел, выбрал подходящее время.

[^^^]

Об рождестве — то есть когда рождество наступит. Рождество — зимний религиозный праздник.

[^^^]

Зацукую — затравлю.

[^^^]